

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОЧЕРЕДНАЯ РЕФОРМА ИЛИ РАЗГРОМ¹

Олег Смолин,
первый заместитель
Председателя
Комитета
Государственной
Думы по
образованию и
науке, доктор
философских наук,
член-корреспондент
Российской
академии
образования

1

В основу статьи положен доклад депутата Государственной Думы О.Н. Смолина на Международной конференции «Образование взрослых для новой России». М.: ИПК, 2004.

Для научного осмысления и решения названной в заголовке статьи проблемы необходимо различать два близких по звучанию, но неодинаковых по значению понятия: «политика в области образования» и «образовательная политика». Первое из них охватывает комплекс мер, предпринимаемых либо программируемых государством, его органами, политическими партиями и другими субъектами политического действия в отношении образования как социального института; второе, помимо этого, включает в себя образовательные компоненты и образовательное воздействие других направлений внутренней политики (экономической, социальной, информационной и т.п.). Аналогичным образом следует проводить различие между законодательством в области образования и образовательным законодательством.

Основа федеральной образовательной политики в правовом государстве — федеральное образовательное законодательство. Фундаментом такого законодательства в нашей стране является Закон РФ «Об образовании» в редакциях от 10.06.1992 г. № 3266-1 и от 13.01.1996 г. № 12-ФЗ. В своё время в основу концепции закона была положена социально-либеральная (социально-демократическая) концепция, ориентированная на две группы ценностей: свободу и социальную защиту участников образовательного процесса.

К либерально-демократическим положениям закона относятся, в частности:

- широкая экономическая автономия, включая налоговые льготы образовательных учреждений и других некоммерческих образовательных организаций;
- широкий круг академических свобод педагогов и учащихся (тем более значительный, чем выше уровень образования);
- контроль качества образования, главным образом «на выходе», т.е. по результатам работы.

В своё время закон оказался даже более либеральным, чем могло «освоить» образовательное сообщество, сформировавшееся в условиях авторитарной политической культуры.

Доказательством социальной ориентированности закона могут служить установленные в нём:

- право граждан на общедоступное и бесплатное полное среднее и начальное профессиональное образование;
- аналогичное право, предоставляемое на конкурсной основе лицам, получающим среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское профессиональное образование;
- многочисленные меры социальной поддержки обучающихся, особенно из групп населения, нуждающихся в социальной защите;
- нормы, устанавливающие высокий по отечественным меркам уровень заработной платы и социальных гарантий для педагогов.

Вершиной образовательного законодательства стало принятие после двукратного преодоления вето президента Б. Ельцина второй редакции Закона РФ «Об образовании», а затем кривая достижений медленно пошла вниз при некоторых успехах в «арьергардных боях». Ступенями попятного движения стали:

- хроническое неисполнение социозащитных норм закона и провал попыток принять законодательные акты, направленные на их поэтапную реализацию;
- принятый в конце 1990-х гг. Госдумой второго созыва под давлением Правительства Бюджетный кодекс и связанные с ним ограничения экономической свободы образовательных учреждений;
- введение в действие в начале XXI в. нового Налогового кодекса и резкое сокращение налоговых льгот для организаций, занимающихся образовательной деятельностью, и инвесторов образования;
- явная тенденция к ограничению академических свобод, связанная не только с попытками построения «управляемой демократии», но, среди прочего, и с принятием Трудового кодекса.

Очевидно, что наступлению подверглись как социально ориентированные, так и либерально-демократические положения образовательного законодательства. Это стало симптомом «негативной конвергенции» в образовательной политике (впрочем, в меньшей степени, чем в политике вообще), т.е. соединения в ней худших черт советского и постсоветского периодов — бюрократического авторитаризма и нищенского финансирования. Однако на протяжении многих лет борьба между демократическим (социальным) и элитарным направлениями в образовательной политике шла с переменным успехом, тогда как в данный момент страна явно переживает перелом, которого добились сторонники элитарного направления.

В настоящее время есть два фактора, способных вызвать перелом в образовательной политике: один — позитивный, но «виртуальный»; другой — реальный, но негативный.

Позитивным фактором, позволяющим резко усилить социальную составляющую образовательной политики, мог бы стать экономический рост в стране на протяжении последних пяти

лет. Хотя уровень экономики 1990 г. до сих пор не достигнут, финансовые возможности страны велики, как никогда, в последние 12 лет. В 2001—2004 гг. дополнительные доходы только федерального бюджета значительно превышают 800 млрд рублей, а, согласно заявлениям в печати министра финансов России А. Кудрина, стабилизационный фонд правительства в апреле 2004 г. приблизился к 400 млрд рублей. Всё это позволяет существенно увеличить бюджетное финансирование образования, заработную плату педагогических и других работников системы, социальные гарантии для обучающихся.

Однако вместо этого правительство продолжает политику опережающей выплаты внешних долгов, создания резервных фондов (расходы которых невозможно проконтролировать) и снижения налогов на большой бизнес. Иначе говоря, развитие человеческого потенциала страны приносится в жертву «олигархическому капитализму», а гигантские финансовые ресурсы используются в интересах активной социальной политики плохо, как никогда.

Главным фактором, определившим наступающий перелом в образовательной политике, стали итоги парламентских выборов в декабре 2003 г. и президентских выборов в марте 2004 г.

Приведу результаты уникального исследования, проведённого Комитетом по образованию и науке Госдумы третьего созыва. Это расчёт среднего рейтинга поддержки образования фракциями и группами за три года (2000—2002 гг.) по результатам всех без исключения голосований по законам и законопроектам, связанным с образованием. Повторю: рейтинг рассчитан по всем голосованиям, чтобы не было соблазна выбрать выгодные одним фракциям и невыгодные — другим:

- КПРФ ..... + 83,7%,
- Агропромышленная группа + 81,4%,
- «Яблоко» ..... + 51,5%,
- «Российские регионы» ..... + 42,6%,

- Депутаты, не входящие в группы ..... + 31,8%,
  - «Отечество — вся Россия» и группа «Народный депутат» + 28,3%,
  - «Союз правых сил» ..... + 20,9%,
  - ЛДПР ..... + 9,7%,
  - «Единство — Единая Россия». — 7,3%
- (эта фракция осталась единственной с отрицательным рейтингом, т.е. голосовала против образования чаще, чем за него).

Учитывая, что аналогичная картина наблюдалась и по социальному законодательству в целом, приходится констатировать, что российская «управляемая демократия» среди прочего отличается от политических систем индустриально развитых государств следующим парадоксом: чем хуже партия голосует за народ, тем лучше народ голосует за партию!

Другой, не менее важный парадокс выражается формулой: на Западе «партия власти» — это партия, которая имеет власть; в России «партия власти» — это партия, которую имеет власть. Вполне логично, что, получив фактически однопартийную Думу, полностью зависимую от Администрации Президента и Правительства, отечественные экономические радикалы, «приватизировавшие» звание реформаторов, сочли политический момент крайне благоприятным для осуществления антисоциального перелома в социальной политике вообще и в образовательной в частности: рейтинг Президента высок; до новых выборов далеко, а память у народа «девичья»; влияние политической оппозиции в парламенте и вне его предельно ослаблено.

Весной 2004 г. непосредственно после президентских выборов обозначились две реальные угрозы разрушения фундамента образовательного законодательства:

- 1) блок законопроектов группы И. Шувалова, Я. Кузьмина, Л. Яковсона;
- 2) законопроект «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законода-

тельных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», внесенный Правительством в Государственную Думу 31 мая.

Назовём лишь наиболее важные (т.е. наиболее разрушительные) из этих предложений.

Объективности ради стоит сказать, что, во-первых, законопроекты группы Шувалова ещё не рассмотрены Правительством, а, во-вторых, среди них есть такие, которые при определённой юридической и технической доработке могут стать приемлемыми для образовательного сообщества и даже принести образованию известную пользу. Так, заслуживает безусловной поддержки предложение принимать вне конкурса на бюджетные учебные места «контрактников», отслуживших в армии установленный срок, и создавать для них специальные подготовительные отделения. Это не только повысит престиж армии, но и уменьшит неравенство возможностей в сфере образования: не секрет, что современная Российская армия по преимуществу «рабоче-крестьянская».

В общем позитивно может быть оценен и законопроект, предоставляющий право заниматься деятельностью в сфере дополнительного образования необразовательным организациям при условии создания ими специальных образовательных подразделений и получения соответствующей лицензии. Это можно рассматривать как шаг (хотя и небольшой) в реализации известного лозунга ЮНЕСКО «Образование через всю жизнь».

Однако в целом в законопроектах группы Шувалова, безусловно, преобладает элитарное направление. Вот лишь три тому примера (в порядке возрастания ожидаемого негативного эффекта).

Пример первый — «двухуровневая» система высшего профессионального образования по принципу «усечённого конуса». Согласно соответствующему законопроекту, в отличие от закона действующего, такая система, предполагающая бакалавриат и магистратуру, не просто вводится, как в своё время кукуруза «от Москвы до самых до окраин», но после бакалавриата должен проводиться новый конкурс и, соответственно, отсеиваться студенты. В результате диплом специалиста получают не более 40%, а диплом магистра — не более 30% из числа закончивших первую ступень. Если учесть, что бакалавры уже испытывают в настоящее время серьёзные проблемы с трудоустройством, предлагаемая «новация» явно уменьшает «стартовые возможности» значительной части молодёжи и идёт вразрез с задачами формирования «общества знаний».

Пример второй — введение образовательных ваучеров.

Идея введения образовательных ваучеров занимала ключевое место в правительственной стратегии реформирования образования, начиная с 1992 г. На рубеже веков эта идея была возрождена в более мягкой форме концепции государственного

именного финансового обязательства (ГИФО), которое отличается от обычного ваучера, во-первых, персональным характером, а во-вторых, неодинаковыми размерами денежного эквивалента, который увязан с результатами Единого государственного экзамена (ЕГЭ).

На взгляд автора, заложенная в законопроекты группы Шувалова идея ГИФО приведёт к отрицательным образовательным результатам по следующим причинам:

1. Отсутствие мирового опыта. Как известно, эксперименты по введению системы образовательных ваучеров проводились в ряде штатов США, однако исключительно в области общего образования, но не в высших учебных заведениях. Экспериментировать же с финансами при их остром дефиците, причём впервые в мире, крайне опасно.

2. Прямая угроза сокращения числа бесплатных для граждан учебных мест. Возможность такого сокращения содержит в себе уже концепция единого экзамена, однако при её связке с концепцией ГИФО эта возможность с большой вероятностью превращается в действительность. Учитывая, что доля «бюджетных студентов» среди лиц, получающих образование в различной форме (очной, очно-заочной, заочной), неодинакова, одна из возможных схем уменьшения ответственности государства за реализацию прав граждан на высшее образование состоит в том, чтобы обеспечивать посредством ГИФО обучение по очно-заочной и заочной формам в большей мере, чем по очной.

3. Рост неравенства прав в области образования. Очевидно, что при более или менее одинаковых природных задатках результаты ЕГЭ в среднем окажутся выше у детей из семей с высокими доходами. Именно такие семьи имеют возможности:

- отдавать детей в школы с программами повышенной сложности или с высококвалифицированным педагогическим коллективом и «софинансировать» их обучение;
- нанимать квалифицированных репетиторов для подготовки к единому экзамену;
- находить знакомства в комиссиях, принимающих ЕГЭ, или прямо давать взятки.

Все эти факторы действуют и при существующей системе, однако ГИФО способно увеличить неравенство в связи с предполагаемым сокращением общего числа бесплатных учебных мест и жёсткой увязкой оплаты за обучение с результатами ЕГЭ. В итоге дети из семей с высокими доходами в большинстве своём будут учиться бесплатно или «малолатно», тогда как большинству семей с низкими доходами придётся либо платить за образование своих детей, либо отказаться давать им высшее образование.

Пример третий — изменение статуса учреждений на некоммерческие образовательные организации.

С упорством, достойным лучшего применения, Правительство не хочет услышать голос образовательного сообщества, которое в абсолютном своём большинстве прекрасно понимает, что это изменение породит негатив тройкого рода.

Во-первых, оно приведёт к утрате целого ряда скромных завоеваний образовательного законодательства. Как известно, отсрочка от военной службы, стипендии и другие социальные гарантии для обучающихся, уровень зарплаты педагогов, ещё оставшиеся налоговые льготы установлены федеральными законами именно для *образовательных учреждений*, для тех, кто в них учится или учит. К *образовательным организациям* с особым статусом всё это отношения не имеет.

Во-вторых, статья 39 Закона РФ «Об образовании» устанавливает запрет на приватизацию образовательных учреждений, который на организации не распространяется. Следовательно, изменение статуса — это шаг к новому витку попыток приватизации, тем более что по отношению к организации учредитель не несёт субсидиарной ответственности, а это открывает дорогу банкротству.

В-третьих, статья 43 действующей Конституции, как бы плохо написана она ни была, гарантирует определённые права гражданам, обучающимся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, но ничего не гарантирует тем, кто будет учиться в специализированных некоммерческих организациях. Другими словами, речь фактически идёт о попытке отмены конституционных гарантий одного из главных прав человека.

* * *

Однако главная угроза разрушения фундамента образовательного законодательства исходит не от законопроектов группы Шувалова, но от упомянутых выше законодательных предложений Правительства РФ.

Эти предложения обосновываются необходимостью привести ныне действующее законодательство в соответствие с Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

субъектов РФ» и Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Однако, как уже говорилось, это лишь повод. Подлинная же причина предложенных «нововведений» — желание экономических правых радикалов ещё более освободить государство от социальной ответственности за своих граждан, а тем самым — ещё больше уменьшить налоговую нагрузку для большого бизнеса, включая так называемых олигархов, с которыми в последние месяцы так демонстративно борется власть, но только в случае их политической нелояльности.

400-страничным (с приложениями 600-страничным) правительственным законопроектом предлагается, в частности, отменить:

— Федеральный закон от 01.08.1996 г. № 107-ФЗ (в редакции от 07.08.2000 г. № 122-ФЗ) «О компенсационных выплатах на питание обучающихся в государственных, муниципальных образовательных учреждениях, в учреждениях начального, профессионального и среднего профессионального образования». После предыдущей «резекции» со стороны Правительства и верного ему парламентского большинства этот закон предусматривает выделение на каждого ребёнка за счёт федерального бюджета полутора рублей на питание в день и столько же — за счёт субъектов РФ. Но новому Правительству даже это, видимо, кажется непростительной роскошью;

— Федеральный закон от 28.05.1999 г. № 102-ФЗ «О льготе на проезд на междугородном транспорте для отдельных категорий обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» предусматривает право детей из малообеспеченных семей ездить на железнодорожном транспорте за полцены с 1 октября по 15 мая и один раз — с 1 мая по 1 октября. Учтём, что российские железные дороги — это теперь «Открытое акционерное общество». Они должны давать

прибыль, а, следовательно, после отмены закона на льготы за их счёт малообеспеченным детям рассчитывать вряд ли приходится;

— Постановление Верховного Совета РФ от 06.03.1992 г. № 2464-1 «Об упорядочении платы за содержание детей в детских дошкольных учреждениях и о финансовой поддержке системы этих учреждений», безусловно, приведёт к повышению родительской платы в детских садах и яслях, к сокращению в них числа детей и дальнейшему ухудшению их подготовки к школе;

— Закон РСФСР от 21.12.1990 г. № 438-1 «О социальном развитии села». Этим законом, среди прочего, установлены 25-процентная надбавка к зарплате для сельской интеллигенции и других работников бюджетной сферы, а также меры государственной поддержки молодых специалистов на селе. Если вспомнить, что доля расходов федерального бюджета на поддержку сельского хозяйства сократилась с 19,2% в 1990 г. до 1,3% в 2004 г. (т.е. в 15 раз, а с учётом сокращения в реальных деньгах самого бюджета — в несколько десятков раз) и что долги крестьян государству с весны 2000 г. до весны 2003 г. (т.е. за три урожайных года) выросли более чем вдвое, становится очевидным: кроме государства, сельскую интеллигенцию поддерживать некому, а отмена социальных гарантий окончательно превратит учителя, врача, работника культуры на селе, говоря словами классика, в пролетария с земельным наделом — только пролетария умственного труда!

Важно понять: Правительство не случайно внесло свои предложения именно сейчас, когда в Госдуме ко второму чтению готовятся законопроекты о внесении изменений в бюджетное и налоговое законодательство, связанные с принятием упомянутых выше федеральных законов № 95 и № 131. Отмена перечисленных и многих других действующих законов будет означать лишь одно: никаких средств субъектам Российской Федерации для того, чтобы сохранить предусмотренные этими законами социальные гарантии, Минфин выделять не собирается, хотя все возможности для этого в бюджете страны есть.

Однако продолжим «расстрельный» список законов, «приговорённых к ликвидации»:

— Федеральный закон от 16.05.1999 г. № 74-ФЗ «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию». Этот закон содержит следующие важнейшие положения:

1) бессрочный мораторий (т.е. фактический запрет) на приватизацию в сфере образования. Видимо, абсурдная идея такой приватизации, не встречавшаяся нигде в мировой практике и отвергнутая Россией в 1990-х гг., опять кому-то не даёт покоя. Более того, на заседании Правительства 15 апреля министр финансов А. Кудрин «озвучил» предложение приватизировать все бюджетные организации, в которых внебюджетные доходы превышают 50%. Если команда будет исполнена, под приватизацию попадут большинство ведущих вузов, научных и медицинских ор-

ганизаций, почти всё национальное достояние России, включая МГУ, Большой театр и Эрмитаж;

2) возможность передачи учебных заведений с бюджета на бюджет только по согласованию между исполнительными органами власти соответствующих уровней (например, федерального и субъекта Федерации, субъекта Федерации и органа местного самоуправления и т.д.) с учётом мнения трудового коллектива. Это положение действительно противоречит федеральному закону № 95, предусматривающему принудительную передачу субъектам Федерации техникумов и ПТУ всех сразу, «скопом»;

3) запрет на ликвидацию учебных заведений без согласия законодательного органа соответствующего уровня или его профильного комитета (комиссии). Согласно этому положению, сельскую школу нельзя закрыть без решения районного совета, областное педучилище — без согласия законодательного органа власти региона, а федеральный вуз — без согласия Госдумы и Совета Федерации либо их профильных комитетов. Ясно, что такое положение мешает тем, кто запланировал в 2005 г. ликвидацию передаваемых на региональный уровень техникумов и ПТУ.

Не лучше, если не хуже, предложения Минфина, касающиеся внесения изменений в действующие законы. Так, из Закона РФ «Об образовании» предлагается исключить:

— положения о Федеральной программе развития образования (пп. 2, 3, 4 ст. 1). — (через федеральную программу прошла, между прочим, основная часть компьютеризации сельской школы);

— статью 40 «Государственные гарантии приоритетности образования», включающую положения о налоговых льготах для учебных заведений, гарантии выделения из федерального бюджета не менее 3% его расходной части на нужды высшего образования и т.п. Ликвидация этой статьи станет гигантским шагом к вытеснению бесплатного для гражданина образования платным;

— статью 44 «Материально-техническая база образовательного учреждения»;

— гарантии права граждан на получение образования в негосударственных школах (п. 4 ст. 5, пп. 6 и 7 ст. 41). Противоположное стремление одновременно к приватизации государственного образования и к «зажиму» образования негосударственного характерно для российского Правительства уже в течение нескольких лет;

— положение, согласно которому средние ставки педагогов в образовании должны быть выше средней заработной платы в промышленности (пп. 2, 3, 4 ст. 54). Ликвидация этого положения заставит интеллигенцию оставить всякую надежду на нормальную зарплату.

Законопроект направлен на разрушение не только социальных (гарантирующих социальные права обучающихся и педагогов), но и либерально-демократических (в частности, гарантирующих экономическую самостоятельность образовательных учреждений) норм действующего образовательного законодательства. Законопроект нельзя назвать ни социальным, ни ли-

беральным. Его квинтэссенция и пафос — торжество псевдорыночной бюрократии, пережившей революции и контрреволюции, невиданный экономический кризис и новый нефтяной бум, период «демократии без берегов» и возвращение к разного рода «вертикалям».

Если «апрельские тезисы» Татьяны Голиковой станут законом (а вероятность реализации такого сценария чрезвычайно высока), легко дать прогноз насчёт того, какие группы населения понесут потери и какие именно:

— 29 миллионов работников, имеющих зарплату ниже прожиточного минимума, могут уже не надеяться на то, что она когда-нибудь станет выше. Более того, поскольку правительственный проект отменяет обязательный минимум зарплаты в стране, его можно будет опускать ниже современных 600 рублей;

— примерно 15 миллионов работников бюджетной сферы (учителя, врачи, учёные, работники культуры и социальной защиты) теряют все федеральные гарантии в области оплаты труда. Поскольку ответственность за зарплату бюджетников полностью «сбрасывается» в регионы, а необходимых для этого денег региональные власти не получают, разницей в уровне зарплаты по субъектам Федерации только вырастет, а ждать её повышения в большинстве из них предстоит многие годы. Думаю, «реформаторы новой волны» опять будут спрашивать носителей «серого вещества» нации: если вы такие умные, то почему такие бедные? И самое печальное, что по отношению к голосовавшим за «партию власти» этот вопрос окажется справедливым;

— около 9,5 миллиона ветеранов труда и столько же тружеников тыла потеряют все существующие льготы (кроме жилищно-коммунальных): их просто-напросто отменят без всяких компенсаций.

Правда, Правительство обещает, что деньги на реализацию или компенсацию льгот в следующем году получат регионы. Однако до сих пор неясно, сколько будет денег и будут ли они вообще. При полу-

стных бюджетах многие регионы наверняка поступят согласно известной формуле: нет федерального закона — нет льгот и компенсаций;

— более 10,5 миллиона инвалидов, 100 тысяч участников и почти 1 миллион инвалидов Великой Отечественной войны, 4240 Героев Советского Союза и Героев России потеряют все льготы (кроме коммунальных) при явно недостаточных денежных компенсациях. Так, инвалиду с третьей степенью утраты трудоспособности взамен льгот обещают прибавить к пенсии 1400 рублей, со второй степенью — 1000 рублей, с первой степенью — 800 рублей, а инвалиду без трудоспособности — 500 рублей. Сейчас у доброй половины этих людей только на лекарства денег уходит больше;

— 22 миллиона семей, получающих детские пособия, потеряют всякую надежду на их близкое повышение, а в некоторых регионах — и на своевременную выплату. Это прямо следует из решения Правительства и думского большинства передать финансирование таких пособий региональным бюджетам, в большинстве своём дотационным или депрессивным;

— почти 1,5 миллиона ребят, обучающихся в 90% ПТУ, и 1 миллион 250 тысяч студентов половины ссузов, которые в 2005 г. будут переданы в регионы без достаточного финансирования;

— более 3,5 миллиона внебюджетных студентов государственных и негосударственных вузов, которым придётся платить больше за обучение в связи с предполагаемой отменой ещё оставшихся налоговых льгот для образовательных учреждений. Льгота по налогу на имущество действует до 2006 г. и, по оценкам экспертов, в денежном выражении примерно равна фонду оплаты труда в системе образования; льготу по налогу на добавленную стоимость Правительство также предлагает отменить.

Есть все основания утверждать, что правительственный законопроект пред-

ставляет собой попытку радикального антиконституционного переворота в социальном строе общества, поскольку затрагиваются интересы более 3/4 населения России (вместе с членами семей). По оценкам экспертов газеты «Известия», только отмена льгот или замена их компенсациями повлияет на жизнь 103 миллионов человек.

Это попытка *радикального переворота*, поскольку систему социальной защиты, созданную в советский период и в первые годы послесоветского периода, предполагается не реформировать постепенно, но «отменить» мгновенно, с 1 января 2005 г., лишь в ничтожной части заменив её новой, никак и никем не апробированной системой.

Это попытка переворота *антиконституционного*, так как предложенный законопроект совершенно очевидно противоречит следующим статьям Конституции:

— статье 7, определяющей Россию как социальное государство;

— части 2 статьи 55, запрещающей принимать в стране законы, ограничивающие права и свободы граждан;

— статьям 7 и 37, обязывающим устанавливать единую для страны минимальную зарплату;

— статье 114, обязывающей Правительство проводить единую федеральную социальную политику, в том числе в области образования и науки;

— статье 43, требующей устанавливать федеральные образовательные стандарты (поскольку финансовая ответственность за школу и ПТУ полностью «сбрасывается» в регионы, установление таких стандартов оказывается невозможным).

И всё это снова называют реформами. Уже почти 15 лет каждый раз, когда нас призывали путём реформ двигаться «вперёд и выше», в социальном отношении на самом деле неизменно толкали назад и вниз: назад и вниз от сколько-нибудь приличной зарплаты и пенсий, стипендий и пособий, — словом, от очень скромной по европейским меркам жизни к жизни бедной даже по меркам азиатским.

Предложения Правительства представляют собой не что иное, как полный разгром системы социальных гарантий в образовательном законодательстве, созданию которой автор этих строк вместе с депутатами и сотрудниками аппарата четырёх российских парламентов посвятил последние 14 лет жизни.

Знаю, что остановить разгром способно лишь массовое протестное движение образовательного сообщества и интеллигенции в целом, однако такого движения в стране сегодня нет.

Один из товарищей по разработке образовательных законов регулярно повторяет мне: Янцзы руками не остановить! Однако упрямо вспоминаю последнюю мысль Левинсона — героя фадеевского романа «Разгром»: «... нужно было жить и исполнять свои обязанности»... **НО**